

ОДНАЖДЫ, В ДЕНЬ СВЯТОГО НИКОЛАЯ

Декабрь в тот памятный год выдался холодным. В День святого Николая было особенно морозно. Ближе к вечеру мы с мужем Алексеем отправились в магазин и, проходя мимо мусорных контейнеров, обратили внимание на странную коробку, обёрнутую газетой. Ветром отвернуло газетный угол, и внутри коробки что-то шевельнулось. Заинтересованные, мы подошли к ней и сняли газету. Перед нами предстала небольшая птичья клетка, а в ней покачивался круглый щетинистый шар, который мы поначалу приняли за ежа, но, приглядевшись, поняли, что это перепёлка, распушившаяся от холода. На полу клетки лежали ещё две птички, уже мёртвые. Опилки на дне клетки были перетёрты в пыль: бедные пленницы, судя по всему, давно томились в этой тюрьме и, пытаясь разыскать себе хоть какое-то пропитание, перетирали клювиками подстилку. Ни кормушки, ни поилки в клетке не было. Господи, каким каменным сердцем должен был обладать их хозяин, чтобы равнодушно смотреть, как погибают эти милые беззащитные создания! Алексей мигом выломал у клетки дно, поскольку вытащить перепёлку через дверцу было невозможно: клетка предназначалась для маленьких птичек — канареек или попугайчиков. Видимо, перепёлок поместили в неё ещё крохотными пуховыми птенцами, а потом... Размышлять, что было потом и почему птиц обрекли на гибель, было некогда. Я подхватила на руки невесомое тельце, и мы, забыв про магазин, заспешили

домой. Горемыка сидела в моих ладонях смиренно, не вырывалась. Очутившись на полу в нашей кухне, она, пошатываясь, побродила немного, потом присела, обесиленная, прижавшись к ножке стула, только жалобно попискивала. Чёрная бусинка глаза смотрела на нас насторожённо и устало, птичка то и дело роняла головку. Ещё не зная, как нужно кормить перепёлок, мы насыпали и наложили на газету всевозможных круп, хлебных крошек, рубленой картошки... Птичка встрепенулась и набросилась на еду, но клевать не могла, только беспомощно гоняла корм по тарелке. «Господи, да у неё клювик отрос и загнулся, не даёт ей клевать! — сообразила я. — У птиц так бывает, нужно подрезать». Клюв и впрямь напоминал орлиный. За операцию взялся наш старший сын Серёжа. Аккуратно подрезал верхнюю часть клюва и опустил птицу перед тарелкой. До чего же радостно было смотреть, как насыщается эта чудом уцелевшая пленница. Я тихонько хлопала в ладошки.

С балкона принесли вместительную коробку, сбוקку прорезали дверцу. Мы решили, что наш найдёныш и его погибшие товарищи по несчастью — мальчики и были выброшены потому, что не несли яички. Назвали мы перепела Коленькой, в честь нынешнего праздника. Всё наше семейство прониклось к Коленьке такой жалостью и нежностью, что единодушно решило вообще не лишать его свободы, и дверца в картонный домик всегда была открыта, а кормушка полна еды. Как правильно кормить неожиданного жильца, подсказал всезнайка Интернет. Он же поведал о пользе перепелиных яиц. Узнав, что они входят даже в рацион космонавтов при возвращении тех на Землю и помогают им быстрее восстановиться после невесомости, я стала покупать эти волшебные яички в магазине, и мои мужчины — супруг и оба сына — с удовольствием выпивали их.

Даже всеобщий любимец кот Плюша принял нового поселенца очень радушно. Ни разу не испугал его, не

пытался напасть, даже не заглядывал в коробку, когда Коленька отдыхал. Обычно кот ложился на достаточном расстоянии и наблюдал за прогулками птички спокойно, без охотничьего блеска в глазах. Мы диву давались, ведь Плюшка всегда преображался, если видел за стеклом на подоконнике голубя или синицу, — начинал подкрадываться, нервно дёргать хвостом, а иногда даже воинственно подвывал и мелко-мелко клацал зубами. А тут птица совсем рядом, но кот, словно нянька, следит за пернатым комочком и не проявляет никаких попыток агрессии. Неужели понимает наш хвостатый увалень, что перед ним маленький страдалец, которого просто необходимо согреть теплом и лаской, как это делают хозяйева? Поначалу мы строго следили за Плюшей, но потом успокоились и полностью доверились коту. Плюша нас не подвёл. А вот Коленька долго дичился, гулял только тогда, когда в кухне никого не было, и при любом шорохе сразу шмыгал в свой домик. Мы ему не досаждали.

За компьютером я могу засиживаться до поздней ночи. Все домашние спят, никто не отвлекает, стучи да стучи себе по клавишам. Однажды боковым зрением я увидела, что из своего убежища тихонько выскользнул Коленька. Постоял насторожённо, сделал пару шажков и снова замер. Я продолжала печатать, делая вид, что его не замечаю. Птах прокрался мимо меня к Плюшкиному лотку. Так уж повелось, что кушаем мы возле телевизора в большой комнате, поэтому решили возможным поставить Плюшкин лоток на кухне под стулом, словно в шалашике. Видя, что я не обращаю на него внимания, Коленька юркнул под стул и принялся принимать ванну в наполнителе. «Хорошо, что мы строго следим за чистотой кошачьего туалета», — подумала я и улыбнулась. Выкупавшись, Коленька вернулся к своей коробке, но не спрятался, а прилёг возле неё. Я продолжала стучать. Он подобрался поближе и снова лёг. Мне показалось, что его привлекает стук клавиш. Возможно,

это напомнило ему стук перепелиных клювиков по кормушке? Я осторожно через плечо подсматривала, как он тянет шейку, высматривая, кто же это тарабанит там на столе. В коробку Коленька удрал, только когда я встала из-за стола. Зато с того вечера он осмелел и уже не крадучись, а смело направлялся к лотку принимать ванну, потом устраивался для прослушивания клавишной симфонии. С каждым разом он укладывался всё ближе и ближе и наконец однажды прижался к моей ноге. Согрелся и задремал. А я печатала, боясь шевельнуться, сделать резкое движение, чтобы не спугнуть птаха, не нарушить это чудесное хрупкое доверие.

Контакт был установлен. Коленька понял, что здесь его не обидят, и перестал прятаться даже днём. Вольно разгуливал по кухне, проверял Плюшкину миску, а то и вместе с ним дегустировал новинки «Вискаса». Даже изо рта у Плюшки мог склюнуть кусочек лакомства. Теперь перепела можно было запросто взять на руки, погладить, подержать на коленях. Коленька очень полюбил фарш. Он всегда выпрашивал его, как примерный солдатик: стоял по стойке «смирно», тянул шейку и просьбу рапортовал на своём птичьем языке. Получив кусочек фарша, тут же уносил его в сторонку и быстро склёвывал. Потом смешно тянул крылышки в стороны, а одну лапку назад, словно делал «ласточку». И снова вставал на пост. Очень приятно и уморительно было вместе с ним лепить котлеты.

У знакомых трамвайщиков я добыла для Коленьки чистого, прожаренного и просеянного, речного песка. Зимой ведь всё занесено, а на трамваях в специальных ящиках такой песок есть. Я согрела песок на сковороде и в небольшом тазике поставила посреди кухни. Коленька тут же впорхнул в таз, и началось представление! В Плюшином лотке такого восторга не ощущалось, наполнитель намного крупнее песка и более грубый. А тут! Птах вздымал фонтаны песка крыльями, загребал

лапками, опрокидывался на один бочок, потом на другой, купал свою головку так и сяк — в общем, блаженствовал. Я успела заснять купание на видео. Уборки потом было много, но разве она в тягость после такого зрелища?

Коленька настолько скрашивал наш быт, что долгие зимние месяцы — январь и февраль — пронеслись незаметно. Наш найдёныш окреп, округлился, по кухне ходил степенно, часто звонко пел перепелиные песенки. Только не «фить-пирю», как в детской книжке Евгения Чарушина, а немного иначе, что-то вроде «фить-пить».

За окном зарюмили капли, приближался знаменитый женский день. Вечером седьмого марта у Колюни в домике я обнаружила крапчатое яичко и смекнула, что это мои домочадцы, шутки ради, подложили в коробку магазинное яичко, будто бы и Коленька нашим дамам (мне и невестке Анюте) подарок приготовил. Ни опрос, ни допрос не выявили шутника — наоборот, опрашиваемый тут же бежал к коробке посмотреть на яичко. А восьмого марта Коленька развеял все сомнения — съёл яичко при мне. Он вышел из своего домика и, гордо подняв головку вверх, издал необычную трель: «У-у-ку-рлю-ку-рлю-ку-рлю-у!» Раньше таких песенок он никогда не пел. Я заглянула в коробку — так и есть! Там лежал новый крапчатый подарочек. Теперь-то мы знали точно: у нас проживает не Коленька, а Николь, забавница и умница. Любви и внимания она стала получать вдвое больше. А яички несла каждый день, хотя в справочнике написано, что перепёлки несутся через день, а то и через два.

Как-то раз, работая за компьютером, я уронила рядом со столом лазерный диск. Мимо проходила Николь и очень заинтересовалась этим событием. Она углядела в диске нечто похожее на птичку и, раскрыв клюв, принялась танцевать вокруг диска. Переминалась с лапки на лапку, раскачивалась и взволнованно скрипела что-то. Это было так забавно. Я принесла

зеркало и прислонила к домику Николь. Но птица не обратила на зеркало никакого внимания, а вот диск! — она в него просто влюбилась. Когда нужно было повеселить Николечку, я приносила к её коробке любимый радужный кружок, и отражающийся таинственный кавалер приглашал Николь на танец.

И вдруг к нам нагрянул ещё один жилец! Сын привёз из командировки годовалого щенка йоркширского терьера — Бусю. Собачонка напоминала маленький тайфун и реактивный снарядик, вместе взятые. В кухне случился жуткий переполох! Плюша выгнулся дугой при виде незваной гостьи, шерсть дыбом! Он отчаянно шипел и плевался, норовил отвесить собачонке оплеуху лапой с грозно выпущенными когтями. А Николь сразу смекнула, что кот — её защита и опора. Она быстро спряталась за Плюшу и осторожно выглядывала из-под его распушённого хвоста. За любую попытку приблизиться Буся получала хлёсткую оплеуху и сразу отскакивала. Собачка не была злой, наоборот, ей хотелось играть, носиться, валяться, обследовать эту неведомую пока комнату, но на пути стоял котище-бармалеище в самой срочной боевой готовности. Война продолжалась больше недели.

В конце концов кот и перепёлка переселились жить на застеклённый кухонный балкон, благо уже было тепло и солнечно — заканчивался апрель. Плюша расположился на коврикe возле балконной двери и держал оборону, а Николь была за ним как за каменной стеной. Когда Бусю уводили на прогулку, Николь перемещалась на порог, к Плюшиной вечно насторожённой мордахе, и что-то тихонько ему ворковала, поскрипывала, и вид у неё был то грустный — клювик клонился к полу, то возмущённый — клювик при этом был воинственно приоткрыт. Кот расслабленно жмурился, выслушивая подружку. А Буся изо всех сил

старалась помириться с неговорчивыми старожилками. Она тихонько подкрадывалась к открытой двери балкона, вытягивая передние лапы, клала на них голову, скулила, потом беспомощно заваливалась набок, кося лукавым глазом на кота, — в общем, всем своим видом призывала к миру и дружбе. Наконец настал день, когда вся компания дружно ела из одной миски, дремала вповалку на кухонном полу и никто ни на кого не шипел. Теперь уже Николь скучала одна в кухне. Несколько раз она пробиралась в большую комнату и тихонечко пристраивалась где-нибудь в сторонке. Лишь бы быть рядом со всеми. Однажды я обнаружила её утром на своей подушке, на самом краешке. Увидев, что я проснулась, она спорхнула на пол и заспешила на кухню. Несколько раз наша пеструшка сторожила сон моего супруга, на пару с Бусей. Одна в ногах, другая на подушке. И вот что интересно: за всё время на постельном белье Николь не оставила ни одной «кляксы», словно понимала, что тут нужно соблюдать чистоту.

Жизнь нашей любимицы была довольно насыщена событиями. Она успела стать призёром тверского фотоконкурса, помогала мне проводить уроки орнитологии для младших школьников, о ней написали статью в местной газете.

Следующей весной Николь стала слабеть, уже не суежилась под ногами, не требовала любимого фарша, даже лазерный диск её не веселил. Тельце её снова стало невесомым. Яички перестали появляться в её коробке. Ах, как жаль, что перепелиный век так недолог. Я читала, что живут они три-пять лет. Но мы не знали, в каком возрасте птица попала к нам, да ещё побывав в такой передрыге.

Милая, забавная, незабвенная наша скрипуша. Столько тёплых воспоминаний связано с нею. Незадолго до кончины она вдруг снесла нам своё последнее, очень крупное яичко. Оно оказалось двухжелтковым,

словно Николь на прощание ещё раз поблагодарила нас с мужем за своё спасение в тот памятный морозный День святого Николая.

НАЙДЁНЫШ

Татьяне Царёвой

*Однажды в зимние метели щенок подобран был тобой.
И только гома разглядели, что он, бедняжечка, слепой.
За это, видимо, и брошен хозяином жестоким был,
Но повстречал людей хороших
и всем сердечком полюбил.*

*А больше всех — тебя, Танюша. И если в доме был один,
Он тишину с тревогой слушал и неприкаянно бродил.
Зато как прыгал он у двери, пока ключи искала ты!
Нам долго не хотелось верить,
что мир его — из темноты,
Где только запахи и звуки — и тьма кромешная всегда.
Хозяйка — ласковые руки, а с ними горе не беда.*

*Увы, не обойти несчастья. Мы смертны все, таков удел.
И пса не стало в одночасье, у двери коврик опустел.
И загрустилось вечерами, как будто кто-то занемог.
Не суетится под ногами лохматый шерстяной комок...*

*Не вечны ни жара, ни вьюга. Непредсказуем жизни путь.
Да вот глаза слепого друга подолгу не дают уснуть.
Затупит время боль утраты. Но до сих пор из темноты
Незрячего меньшого брата спросонок окликаешь ты.*